

«О, эта музыка в Ouchy...» | "Oh, cette musique à Ouchy..."

Author: Валентина Гутчина, [Lausanne - Лозанна](#) , 26.11.2010.

Лозанна, памятная надпись на доме №3, бульвар Гранси (© NashaGazeta.ch)
Осень, Лозанна, желтые листья на мокром асфальте. Несколько шагов от вокзала, поворот на бульвар де Гранси и – белая табличка на каменной стене старинного здания: «Марина Цвѣтаева (1892 - 1941) жила въ этомъ домѣ въ 1903 - 1904 гг.».

|
Automne, Lausanne, feuilles jaunes sur une route mouillée. A quelques pas de la gare, le boulevard de Grancy et une inscription blanche sur les murs d'un bâtiment ancien révélant que la poétesse russe Marina Tsvetaeva y habitait en 1903-1904.
"Oh, cette musique à Ouchy..."

Русский язык! Да с «ер»! И – Цветаева! Стрелки часов словно начинают вращаться в обратном направлении, и мы, незаметно для самих себя, делаем шаг в другое измерение: 1903 год, конец лета, август, бархатная Лозанна...

Семью Цветаевых никому особо представлять нет нужды: отец – И. В. Цветаев, профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств на Волхонке, носящего имя Пушкина; мать – пианистка Мария Мейн, да две дочки – Марина и Анастасия.

Марина мать не просто любила – боготворила. Увы – Мария Мейн была больна чахоткой, и жить ей оставалось совсем немного. Пытаясь исцелиться от страшного недуга, на протяжении нескольких лет она проходила процедуры в Италии и Германии, Швейцарии и Франции, а вслед за ней путешествовали и ее дочки – обучались в разных странах, познавали мир в его многообразии. Так, в августе 1903 год судьба привела их в Лозанну, в пансион сестер Лаказ.

Что сказать? Сестры Цветаевы влюбились в Лозанну с первого взгляда: город острых шпилей и каменных домов, карабкающихся от набережной Лемана вверх по горкам, все выше и выше. Тихий шелест каштанов, удивительный плеск озерных вод и розовеющий к вечеру воздух набережной Ouchy, где до отъезда матери они так любили гулять, не замолкая ни на мгновение – словно спеша успеть наговориться с самым дорогим человеком. Так начался их первый и единственный год в Швейцарии.

Все здесь складывалось самым замечательным образом (хотя, быть может, в детстве у каждого из нас все удивительно и прекрасно?): строгие, но такие славные и мудрые сестры Лаказ, Люсиль и Маргерит, подруги-пансионерки – сестры-армянки из Египта, немки, француженки, темпераментные испанки... С утра – занятия по арифметике и французской грамматике, географии и древней истории; в обеденный перерыв – игры во дворе пансиона, в тени великолепного платана, на ветвях которого можно было прятаться друг от дружки.

Раз в неделю девочек вели на службу в католический собор. Кстати сказать, сестры Цветаевы прибыли в Лозанну после Италии законченными атеистками, но неторопливые беседы с Люсиль и Маргерит, с аббатом собора, да плюс волшебство католических служб и цветных витражей, магия органа – все это сделало из атеисток таких рьяных католичек, что даже немного напугало их мать...

 Лозаннская жизнь продолжалась: занятия, споры пансионерок о Боге и безбожии, о смерти и о жизни после смерти... Свои традиции: после хорошей отметки у самого строжайшего из преподавателей пансиона – учителя музыки мсье Бишофа – героиня дня должна была в компании подруг спуститься по улочке вниз, к кондитерской, и купить всем сладкие угощения...

Золотые листья слоеном покрывали мощенные камнем улочки; дело шло к зиме. В ноябре-декабре, в рано наступавших сумерках ярко освещались витрины кафе и магазинчиков, оформленные в рождественском духе, даря каждому замершему перед ними человеку надежду на то, что впереди – все самое замечательное...

Какие моменты детства остаются в нашей памяти, как своего рода спасательный круг – то, что не даст утонуть в заботах и хлопотах жизни? Ответ прост: самые светлые и прекрасные. Для сестер Цветаевых, в жизни которых было много тяжелого

и трагичного, тот год в Лозанне остался прекрасным моментом, чем-то сказочным и теплым. «С первого взгляда – привязанность к Лозанне (точно когда-то в ней родились, точно именно этот город мы видели в детстве, во сне)», - напишет много позже в своих «Воспоминаниях» Анастасия Цветаева.

А чем стала Лозанна для Марины? Наверное, этот город остался в ее памяти удивительным чудом благодаря последним мгновениям общения с матерью. Весной 1904 года Мария Мейн в очередной раз приехала в Лозанну навестить дочерей. Надо ли говорить, как счастливы были сестры: каждый день, сразу после занятий обе бегом спускались по каменным лабиринтам города к набережной Ouchy, по дороге забегая в кондитерскую, чтобы купить булочки с изюмом. И вот с этим нехитрым угощением все трое усаживались за столик у окна в гостинице: женщина с усталой складкой у рта и две розовощекие, радостно возбужденные девочки. О чем они говорили? Как и все мамы и дочери – о том, что жизнь прекрасна, надо лишь учиться жить и ловить ее счастливые моменты... Эти вечера остались в памяти великой поэтессы Марины Цветаевой удивительно яркой картинкой, как те, что все мы любили разглядывать в детстве в стеклянных шариках; вот почему много позже Марина, ощутив сладкую горечь ностальгии, напишет эти летящие строчки:

*Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!*

*"Все в знаньи, скажут вам науки.
Не знаю... Сказки - хороши!"
О, эти медленные звуки,
О, эта музыка в Ouchy!*

*Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О, этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!*

[Лозанна](#)
[Марина Цветаева](#)
[русская музыка](#)
[швейцарская музыка](#)

Source URL: <http://nashgazeta.ch/news/culture/o-eta-muzyka-v-ouchy>